

ЧУМНОЙ

МАРИ ХЕРМАНСОН

ОСТРОВ

INSPIRIA

Москва

2022

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
Х39

Marie Hermanson
PESTÖN

© 2021 Marie Hermanson.

First published by Albert Bonniers förlag, Sweden.

Published by arrangement with Nordin Agency AB, Sweden

Хермансон, Мари.

Х39 Чумной остров / Мари Хермансон ; [перевод с шведского Т. О. Шапошниковой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с. — (Ток. Национальный бестселлер. Швеция).

ISBN 978-5-04-161019-7

Гётеборг, 1925 год. Из мутных вод реки Севеон вылавливают труп хорошо одетого мужчины. Тонкая, но глубокая кровавая рана, зияющая под шелковым шарфом на его шее, не оставляет сомнений: мужчину удавили. Удавили очень жестоким и экзотическим способом — гарротой, испанским орудием казни, сдавливающим шею тонкой железной струной...

Несколько лет назад в Швеции уже произошла целая серия подобных убийств. Тогда преступника схватили, признали невменяемым, и сейчас он — единственный заключенный на удаленном острове, прозванном Чумным. Кстати, на том самом острове, где родился и вырос удушенный мужчина... А недавно знаменитый шведский писатель в деталях описал точно такое же убийство в своем романе. И он тоже психически нездоров и находится под круглосуточным наблюдением... на Чумном острове. Неужели заключенный преступник и модный писатель — это один и тот же человек? Старший констебль полиции Нильс Гуннарссон плывет на остров — и находит безумного сидельца там, где ему и положено быть: в изолированной камере под семью замками...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

© Шапошникова Т.О., перевод
на русский язык, 2022
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-161019-7

1

Шел август 1925 года. Фрекен Брикман сидела на своем обычном месте за стойкой в приемной отделения уголовного розыска на улице Спаннмольсгатан, погруженная в чтение детектива в мягкой обложке с яркой завлекающей картинкой. Часы показывали уже почти семь вечера, но воздух в помещении по-прежнему был теплым и влажным, так что блузка липла к спине.

Прямо посреди фразы ей пришлось спрятать книгу и попрощаться с двумя констеблями, чей рабочий день закончился. Едва за ними закрылась дверь, как она снова достала книгу. История затягивала ее все сильнее.

Слегка раздув ноздри, фрекен Брикман оглядела вестибюль приемной. Смотреть там было в общем-то не на что. Она подумала, что запах исходит из обезьянника — забранного решеткой помещения, куда подозреваемые в неопасных нарушениях помещались в ожидании допроса. Обычно туда попадали бродяги и пьяницы, так что запах и гам, доносившиеся оттуда, иногда становились невыносимыми. Но сегодня из той части отделения не слышалось ни звука. Вероятно, там в пьяном беспросыпе лежал какой-то старый оборванец, подумала фрекен Брикман и вернулась к чтению.

Этажом выше у себя в кабинете за письменным столом работал старший констебль Нильс Гуннарссон. Комнатушка была маленькая, а ее стены выкрашены в коричневый цвет, отчего она казалась еще меньше.

Это был высокого роста, широкоплечий, голубоглазый, соломенноволосый блондин тридцати одного года от роду. Лицо его было слегка обветренным, как результат тех лет, когда он служил в патрульной полиции; а может быть, такое лицо досталось ему от угрюмой родни из провинции Бохуслен. Одним пальцем он неспешно тыкал в клавиши пишущей машинки, записывая сегодняшний рапорт: два случая бродяжничества, кража трех простыней, сохнувших на веревке, и заявление о пропавшей — возможно, украденной — собаке ценной породы.

Внезапно Гуннарссон ощутил присутствие постороннего. Подняв голову, он чуть не подскочил от удивления.

Посреди комнаты стоял паренек, худой и жилистый, с чудаковатым лицом, похожий на лягушонка. Как он вошел, Нильс не слышал. Почему фрекен Брикман послала его сюда, наверх, вместо того чтобы поручить констеблям внизу?

Он откашлялся и строго спросил:

— Тебя не учили стучать?

Паренек стоял, прижав к груди картуз с околышем, словно щит, в упор глядя на полицейского. Не по размеру большие брюки, обрезанные под коленом, убого держались на веревке вместо ремня. Рубашка оказалась такой грязной, что ее первоначальный цвет было

невозможно определить. К тому же он был босым. Паренек указал жестом на дверь.

— Пошли! — почти приказным тоном произнес он.

Нильс едва подавил смешок.

— Откуда тебя принесло? Из Гибралтара?

Под таким названием — Гибралтар — существовал приют для бедных, куда попадали психически больные или умственно отсталые, родственникам которых было не по карману содержать их в более пристойном месте. Найти персонал в Гибралтар было трудно, там всегда была его нехватка. То и дело оттуда удавалось сбежать какому-нибудь психу, и он бродил по городу.

Нильс поднял телефонную трубку внутренней связи, собираясь спросить у дежурного внизу, не получил ли тот запрос на недавно сбежавшего. Звонок он мог слышать эхом снизу, но ответа не последовало. Петтерссон, конечно, отправился на кухню готовить себе гору бутербродов для вечернего дежурства.

Недовольно что-то пробурчав, Нильс положил трубку и, едва подняв взгляд, увидел, как парнишка быстро и бесшумно подскочил к его стулу. К его невероятному изумлению, он положил руку ему на плечо, склонился к нему, так что его лягушачье лицо оказалось в сантиметре от лица полицейского, и снова произнес:

— Пошли, пошли!

Наглость подростка вывела Нильса из себя. Он вскочил со стула и заорал:

— Ну нет, это уж чересчур! Вон отсюда!

Но мальчишку это не испугало. Он еще сильнее затопал ногами.

— Пошли, пошли, — торопил он и махал в сторону двери. — Надо идти. Он мертвый. Вот. — Энергично кивнул. — Надо идти.

— Кто мертвый?

— Пошли!

Парнишку просто разрывало от нетерпения. Его босые пятки топали по полу; он махал кепкой, как будто старший констебль был упрямой коровой, которую надо было выгнать из стойла.

Нильс поглядел на него с проснувшимся интересом. Во всей этой нелепице он заметил что-то, к чему, возможно, следовало отнестись всерьез. Протянул руку к телефонной трубке, чтобы еще раз попробовать дозвониться до дежурного внизу, но передумал. Вместо этого снял с крючка на стене свою шляпу и произнес:

— Успокойся, ты, чокнутый. Я иду.

Они вместе спустились на первый этаж, прошли мимо изумленной фрекен Брикман и вышли на улицу.

Парнишка побежал вдоль канала Эстра-Хамнка-нален к одной из каменных лестниц, там и сям ведущих к воде.

Небольшая весельная лодка была пришвартована за кольцо к стене канала. Одним бесшабашным прыжком парень перелетел с верхней ступени лестницы прямо в лодку и удерживал ее, пока Нильс не спустился.

— Куда это мы? — спросил тот. Ответа не последовало.

Секунду поколебавшись, он оказался в лодке и сел на корме. Парень отшвартовался и принялся энергично грести.

Он быстро шел выбранным курсом под низкими мостами, не оборачиваясь. Они плыли от слепящего солнца к сумраку под железными влажными сводами и снова на солнце, пока не прошли последний мост и не выплыли на открытую гладь реки. Их окружали лодки всех видов. С моря дул прохладный ветерок.

Нильс подозревал, что они направятся в сторону одного из морских причалов, куда полиции часто приходилось наведываться. Возможно, речь шла о драке с плохим концом или о подвыпившем бедолаге, свалившемся в воду и утонувшем... Но парнишка вместо этого греб дальше на восток, мимо очистных сооружений, газового центра, углехранилищ.

Нильс снова спросил, куда они направляются, но парень не реагировал, как будто ничего не слышал. Он шел все время в одном и том же темпе, не переставая работать веслами ни на секунду. Нильс предложил на время сменить его, но ответа не последовало. Полицейский даже подумал, уж не глухой ли этот мальчик. Это объяснило бы его рубленый стиль разговора. Зато очень сильный, уж это точно... Разумно ли было отправиться с ним в эту поездку, размышлял Нильс.

Река делилась на два рукава у мыса, где, громоздясь, собирался сплавной лес. Когда они приблизились к мысу, парнишка впервые замедлил ход и стал, прищурившись, оценивающе всматриваться в кучу хвороста.

Тут-то Нильс и понял, какого сорта этот парнишка. Он также догадывался, куда они направляются.

В подтверждение догадки паренек выплыл из основного русла и направил лодку сквозь заросли огромных листьев кувшинок вверх по Севеону, притоку реки.

— А, так ты из подбирал? — спросил Нильс.

Парень бросил на него взгляд из-под козырька кепки. Может быть, он вовсе и не глухой..

То, что подбирала добровольно обратился к полицейскому, было удивительно. Нильс не мог припомнить, чтобы такое случалось раньше.

Они продолжали плыть вверх по речушке, мимо складов, шлюпочной верфи, под железнодорожным мостом, мимо фабрики шарикоподшипников. По берегам росла ольха и верба. Теперь мальчик греб медленнее, словно сейчас было ни к чему торопиться, и после каждого гребка позволял лодке скользить почти до полной остановки.

Дело уже подошло к вечеру, но было по-прежнему тепло. Нильс бросил взгляд на свои часы-луковицу. Вообще-то он мог закончить свой рабочий день прямо сейчас. Но старший констебль был там, где был, — сидел на корме лодки, идущей вдоль берегов речушки, спокойно проплывающих мимо. Корни ольхи переплетались как в мангровом болоте; вода была коричневой, непрозрачной.

Гуннарссон попытался припомнить, что знал о подбиралах. Нищие, но гордые, они жили тем, чем другие пренебрегали или теряли. Все, что плавало в море, реках и протоках, они считали своим. А было этого не так уж мало. Такой большой порт, как Гётеборг, исторгал из себя колоссальное количество всякой дряни. В основном это был никчемный хлам, но

натренированный глаз мог быстро высмотреть ту или иную «драгоценность».

Один принцип был незыблем: ни одному гётеборжцу в здравом уме не пришла бы в голову мысль выудить что-либо из того, что здесь плавало. Согласно молчаливому неписаному правилу, все, что однажды оказалось в воде, принадлежало подбиралам.

Случалось иногда, что кто-то не мог преодолеть искушение поздним вечером подгрести и выудить несколько отличных, только что распиленных досок, свалившихся с лесовоза. Но под мостами их ждали зоркие глаза, и рискованное предприятие вместо досок заканчивалось расквашенным носом и разбитой губой. Согласно молве, подбиралы обладали сверхъестественными способностями и могли взглядом или магическим заклинанием навести вечную порчу на того, кто не уважал их права.

Еще говорили, что они могли предвидеть будущее и что у них имеются перепонки на пальцах рук и ног. Что они происходили от водяного народца, жившего здесь, когда дельта реки еще была полна жизни: рыбой, птицами, амфибиями и грызунами. Народец, передвигавшийся по топям в маленьких лодчонках вроде каноэ, ловко плавал и переходил реки вброд, не уступая в этом своей добыче. Когда заводи высохли, а разросшийся город лишил их мест охоты, они переместились повыше вдоль водных путей.

Все эти истории — настоящая чепуха, считал Нильс. Подбиралы были просто-напросто бедными неудачниками, по той или иной причине отринутыми городом. Но миф о водяном народце не умирал — главным образом стараниями самих подбирал. Теперь,

когда Гуннарссон теплым влажным вечером медленно плыл вверх по протоке с молчаливым странным парнишкой, он был почти готов поверить в него.

Зелень плотнее обступила их. Время от времени можно было видеть следы жизнедеятельности людей, в основном что-то брошенное или поломанное: полузатопленную лодку-плоскодонку, проржавевшую в воде цепь, каменную лестницу, странным образом ведущую из непролазных зарослей ивы в темно-коричневую воду. Заброшенные останки того времени, когда речушка была важным транспортным путем. Слышны были лишь скрип уключин да легкий всплеск, когда весла касались воды. Казалось, город находится далеко-далеко. Нильс пытался сориентироваться по изгибам протоки и времени, прошедшему с тех пор, как они покинули реку. Но он понятия не имел, где находится сейчас.

В сумерках они подплыли к месту, где ивы своими длинными ветвями создавали некое подобие зеленого туннеля. Должно быть, это был волшебный туннель, потому что, выйдя из него, они оказались в Африке. А может быть, в Южной Америке или Юго-Восточной Азии. Нильс не знал, в какую часть света поместить вид, который открылся ему по ту сторону занавеса из ив, но ему казалось, что он узнаёт его по фотоизображениям, демонстрировавшимся во время докладов путешественников и миссионеров.

На сваях возвышалась небольшая деревня из странных маленьких хижин, словно выбиравшихся из воды наверх по склону берега. Женщина вешала белье, дети играли в воде у берега, а лохматый пес бегал взад-вперед по причалу и залиvisto лаял.

Парнишка затабанил правым веслом, втянул весла в лодку и дал ей скользнуть к причалу. Из-за хижины вовремя выскочил мужчина и поймал швартовочную веревку. Пес перестал лаять и по знаку мужчины убрался восвояси. Парнишка придержал лодку, чтобы Нильс мог выйти на сушу, но сам остался в ней.

Гуннарссон рассматривал мужчину на причале. Руки тот держал в карманах брюк. Больше всего он походил на старого хитрого бродягу с плоским лицом, светло-серыми глазами и маленькими острыми зрачками. Одно веко чуть обвисло. На голове у него была шляпа с круглыми полями, лихо сдвинутая набок, а в ухе висело кольцо из желтого металла. Только Нильс хотел представиться, как мужчина опередил его, протянув руку так быстро, словно выхватывал оружие.

— Бенгтссон, — произнес он, пожимая ладонь Нильса так крепко, что это больше походило на демонстрацию силы, чем на приветствие. Нильс ответил на рукопожатие, про себя поразившись силе женщины, бывшего гораздо меньше ростом и более худым, чем он сам.

— Хорошо, что вы смогли прийти, старший констебль Гуннарссон.

«Он знает, как меня зовут», — подумал Нильс.

Мужчина улыбнулся его удивлению, отпустил руку и указал в сторону дороги между двумя странными строениями в конце береговой кромки.

Нильс изумленно оглядывался. На первый взгляд хижины напоминали те простейшие шалаши, какие обычно мастерят дети. Но вблизи он заметил, что они построены с большим искусством. Сам строительный

материал был необычен и вынуждал столяров прибегать к нестандартным решениям. В нагромождении разных кусков досок и рифленого металла Нильс различил рулевое колесо с рыболовецкого судна, изогнутую лестницу красного дерева, части мачт, столбы от мостов и латунные детали.

Бенгтссон зашел в одну из хижин, и Нильс последовал за ним. Он с трудом мог стоять там в полный рост. В мерцающем пламени фонаря едва различались какие-то существа с ввалившимися глазами — вероятно, семейство Бенгтссона, рассеявшееся вдоль стен на свернутых рулонами волосяных матрацах. В углу стояла ржавая печка. Пол покрывали коровьи шкуры — скорее всего, с грузовой баржи, где небрежно закрепили тюки, догадался Нильс. Пахло плесенью и гниением.

«Неужели этим людям не на чем сидеть; ни скамеек, ни табуреток?» — подумал он. Но тут же понял, что все дело в донельзя ограниченном пространстве. Комнатушка без единого окна, являвшаяся собственно домом, была просто-напросто спальней. Ночью матрацы занимали весь пол, днем их сворачивали и использовали для сидения, а место по центру оставалось свободным.

Сейчас там лежал на спине мужчина лет тридцати, и никакого матраца под ним не было. Зачесанные назад темные волосы курчавились, глаза были закрыты, рот широко открыт, язык вывалился наружу; кожа была бледно-серая, как у рыбы. Коровьи шкуры вокруг него потемнели от влаги.

— Мы нашли его в протоке, — спокойно пояснил Бенгтссон. — Он застрял в ивах, мимо которых вы сейчас плыли, — добавил он, кивнув в сторону прото-

ки. — В этих длинных ветках застревает все на свете. Видно, он был пьян и где-то утонул. Я думаю, его лучше всего забрать полиции.

Нильс поднял с пола фонарь и подержал над покойником. Бенгтссон стоял рядом, широко расставив ноги и скрестив руки на груди.

— Когда вы его нашли? — спросил Нильс.

— Сегодня утром.

— Вы не знаете, кто это?

— Понятия не имею, — хмыкнул Бенгтссон. — Он не из наших.

Явно излишнее замечание. Мужчина был хорошо одет: светло-серый пиджак, двубортный жилет и сиреневого цвета шейный платок вместо галстука. Одежда была мокрой, но целой. Он пробыл в воде недолго.

— Ну вот, мы вас вызвали. Теперь можете забирать его, — сказал Бенгтссон.

Мимо покойника прошла курица, высоко поднимая лапы. Как она сюда попала? Никто не обратил на нее внимания, и несколько секунд спустя она уже исчезла — так же непостижимо, как появилась.

— А есть ли поблизости автомобильная дорога? — спросил Нильс.

— В полутора километрах отсюда.

— Тогда лучше пошлем сюда лодку. Портовая полиция заберет его завтра утром, — решил Нильс.

— Завтра? — Рука Бенгтссона сделала такой решительный взмах, что существа, сидящие у стены, инстинктивно отпрянули. — А нельзя ли увезти его сейчас, с вами? Положим его на нос лодки. Парнишка сильный; он поможет вам дотащить его, когда вы приплывете в город.